

О ТЕХ, КОГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ...

5

В А К часто, читая театральную рецензию, мы встречаем милостливую, прилежательную фразу: «Оформление спектакля было удачным» или: «Надо признать, что художественное оформление оставляет желать лучшего». И не всегда задумываемся над содержанием этих слов, предполагая, что речь идет только о декорациях.

Да и сидя в зрительном зале, увлеченные пьесой и актерской игрой, мы отвлекаемся от многого, что не только создает красочный и верный фон сценического произведения, но входит в спектакль как необходимое звено. Это — оформление постановки: декорации, костюмы, свет... За всем этим кроется кропотливый и творчески напряженный труд людей самых различных специальностей: декораторов, костюмеров, осветителей, бутайфоров, режиссеров.

«СТРОИТЕЛЬНАЯ» ПЛОЩАДКА

Те, кто видел в постановке Башкирского академического театра драмы пьесу Мустая Карима «Похищение девушки», поймут сцену первого акта. На окраине села, на высоком пригорье стоит пожарная каланча — обычная сельская пожарная каланча с пристройкой для инвентаря, где хранятся огнетушители, брандспойты, каски, топоры и другие противопожарные принадлежности. Стоит легкая тележка с бочкой. Ближе к рампе — насос.

Вдали у самого горизонта еле видны строения колхоза. Сцену обрамляют густолиственные чермухи. И, как рама картины, — кулисы с башкирским национальным орнаментом.

Заглянем на сцену в ту минуту, когда зритель в ожидании следующего акта находится в фойе. И лихорадочный темп удивительных превращений захватит каждого. Звучит резкая, как перед строем, команда машиниста сцены т. Егорова, и молодые рабочие Максуд

Калимуллин, Рашит Набулдия быстро и умело выдвигают на сцену странные предметы непонятного, на первый взгляд, назначения: деревянные ящики, станины, рамы. Но вот предметы обретают форму: огромный станок со стесанными ступеньками накрывается «травой» — появляется холм; с боков сценической площадки опускаются столы «берез», «черемух» из сетки и марли; у пригорка устанавливаются фанерные «пни». И в одно мгновение возникает холмистая рощица, где разнаивается действие второго акта — веселый праздник сабантуй.

Была пожарная каланча, выросла «роща» — волшебное превращение! Это «чудодейство» — дело рук людей с простым именем — рабочие сцены.

Боле тридцати лет своей жизни отдал театру старейший из них — машинист сцены Иван Андреевич Егоров. Начал он свою театральную «карьеру» сезонным рабочим еще в первые годы существования молодого башкирского театра, а ныне тов. Егоров — заслуженный и уважаемый член коллектива и руководит тремя цехами: художественным, монтажным, подложным, которые можно назвать лабораторией сценического оформления.

Основное требование театра к оформителям — максимум свободы сценической площадки.

— Чтобы декорации и их планировка были просты, просты до крайности, — уточняет Иван Андреевич. — Наша задача в конце концов сводится к главному: подчеркнуть вспомогательными, оформительскими средствами существо той или иной пьесы, выделить индивидуальность актера. Первое слово, разумеется, принадлежит режиссеру — постановщику и художнику, которые дают идею оформления. Но от режиссерского замысла я эскизов художника до конструкций декораций так же дале-

ко, как от первого мазка до целой картины...

— И чаще всего, — продолжает мысль Егорова художник-декоратор Александр Алексеевич Захаров, — в эскизах постановщика заложена лишь тема оформления, намек, наше дело осуществить его в больших сценических конструкциях.

В горячих спорах, обших беседах и напряженном труде рождается театральное оформление будущего спектакля. Вернее, первоначально создаются лишь отдельные элементы декораций. Проходит репетиция за репетицией — возникает первый вариант, который может быть изменен даже после постановки пьесы, как это случилось например, с оформлением комедии «Похищение девушки». Вначале спектакль был решен условно, например, задний был просто голубым фоном. Но уже первые постановки показали, что этого очень мало. И художественный цех заново нарисовал два задника, изображающие деревню и лес.

Вновь проходили за сцену, где без привычки запах красок и грима кружит голову. Кружат голову и ряд волшебных превращений, происходящих на этой удивительной «строительной» площадке, где в одно мгновение возникают и исчезают города, уступая место холмистым лесам или речным просторам.

ПРАВДА КОСТЮМА

Молодая артистка — девушка лет двадцати, стуча каблучками, спускается по винтовой лестнице из костюмерного хода. Она нарядна и красива в своем элегантном костюме середины прошлого века. Невольно любующийся и восхищающийся ее обликом. Но выше восхищения не разделяет Маги Ибатулловна Янбухтина, которая тоже заметила рядную артистку.

— Куда торопишься? доченька? — останавливает она девушку сразу зашедшую под ее насмешливым взглядом.

— У меня выход сейчас, — лепечет смущенная артистка.

— В какой же роли ты выступишь?

— Не смеётся, Маги-апа, вы же знаете, что у меня нет роли в этом спектакле. Я в массовке...

— Ах, в массовке? А я-то думала, что ты играешь Анну Каренину, по крайней мере... Нет? Так почему же такой костюм? Ах, для красоты? Иди и сейчас же снимай! Это не красиво, а уродливо!

Девушка медленно поднимается на верхний этаж и скрывается в костюмерной.

— Беда с ними! — вздыхает костюмерша. — И стар, и млад хотят быть красивее на сцене, а не правдивее.

Последние слова Янбухтина подчеркнула еле заметным жестом: — редко кто задумывается над тем, соответствует ли костюм роли или нет. Маги Ибатулловна немного претерпевая эту женщину, которая всю свою жизнь отдала театру, заинтересованность в правдивости костюмов каждого спектакля, смягчает ее упрек.

Если б пересчитать количество костюмов, созданных Янбухтиной за тридцать лет, то их, пожалуй, хватало бы одеть целую армию. Только для первой постановки оперы «Иван Сусанин» (в то время костюмерный цех был один для театра оперы и балета и академического театра драмы) было сшито более пятисот костюмов, прекраще-

но поглотил тысячу метров ткани.

Если искать сравнений, то труд костюмерши можно без особых натяжек уподобить исследовательской работе историка. Те же упорные поиски в музейных и архивных материалах, та же творческая фантазия, воссоздающая облик людей минувшего, и то же стремление уловить типическое в общем, правду в множестве деталей. Правда, только правда и ничего, кроме правды, — закон и для театральных костюмеров.

«СИМФОНΙΑ» СВЕТА

Возможно, кое-кто из сидящих в зрительном зале, с нетерпением ожидая начала спектакля, прислушивался к непонятным звукам, глухо доносившимся из-за занавеса, и ловил иногда свистящий шепот:

— Снимите заль!

И точно же ряды партера, ложи, балконы медленно погружаются в полумрак. Стирается говор. Зал ждет начала действия. Вдруг сверкающие огни рампы, яркие лучи прожекторов, направленные из боковых лож, выхватывают из темноты алый бархат. Занялся, словно дождавшись заветного сигнала, раздается, и зритель из вечернего зала переносится в раннее утро цветущего лета, наполненного радужным блеском цветов и красок.

Новое чудо: перед изумленным взором в одно мгновение день может смениться ночью, полной сияющих теней и голубых бликов лунного света.

Но удивляться нечему: все это — и утро с игрой переливчатых красок, и глубокая ночь с очарованием полудня — иллюзия, световой эффект, результат творческой работы осветителей...

Четверть века работает Борис Михайлович Колесников в электоро, осветительном цехе театра. В лучах его прожекторов, софитов, «пистолетов» рождалась реалистическая и поэтическая жизнь многих театральных представлений. Труд осветителя сложен. Быть осветителем — значит сочетать в себе мастерство, технические навыки электрика и богатое воображение художника. Многолетний опыт и большой талант дали Колесникову редкое умение ориентироваться в природе света, проникать в его «психологию», воссоздавать на подмостках гамму природных красок.

— Вместе с режиссером и художником, — говорит Б. М. Колесников, — осветители составляют световую партитуру спектакля, в которой учитывается каждая сцена, каждая мизансцена будущей постановки, определяется время годя, дня, погоды. По партитуре устанавливаются осветительные приборы и точно определяется цветной фильтр каждого прожектора.

С полной нагрузкой работает электрическое сердце театра — регуляторная, где силами молодежи в честь юбилея Ленинского комсомола был установлен новый трансформатор в 320 киловатт, 446 ламп, чтобы раскрыть перед зрителями красоту спектакля, донести каждый нюанс в переживаниях актера.

— Снимите заль! — раздается голос дежурного электрика. Гаснет свет в зрительном зале, но вспыхивает многообразные цветы и краски сценическая площадка, на которой воссоздается правда человеческой жизни.

С. САЙТОВ.